

УДК 130.2:172.16

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.152

Епископ Порфирий (Успенский) о векторе российской стратегии межцивилизационного диалога

Г.А. Ивакин

ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва

Рассматриваются Ближний Восток – Африка – Европа. Выдающийся вклад русского востоковеда и миссионера епископа Порфирия (Успенского) в определение вектора российской стратегии межцивилизационного диалога на фундаменте христианских традиций Востока и Запад.

Ключевые слова: Порфирий Успенский, Православная церковь, Ближний Восток, Африка, Европа, Израиль, Иран, Йемен, Сирия, ИППО, просвещение, образование, богословие, наука, религиозные организации, межцивилизационный диалог, межрелигиозный диалог.

Очевидно, что размышления над наследием Порфирия сегодня становятся предметом (пере)осмыслиния внутри православного сообщества. Это перерождается в импульс к интенсивной и разноплановой работе по увековечиванию памяти Порфирия, по актуализации его идей в сфере внешней научно-гуманитарной и общественно-культурной государственной политики, а также в сфере межхристианского и межрелигиозного диалога Церкви.

Следует отметить, что Порфирий – не только основоположник Русской духовной миссии в Иерусалиме, но и предвестник миссии Императорского православного палестинского общества; не только ученый и дипломат, но личность государственная, сочетавшая в себе преданность духовным ценностям христианской религии с пониманием и отстаиванием внешнеполитических государственных интересов своей Родины. Более того, самое главное (и по-настоящему уникальное в Порфирии) – это то, что укорененность его интеллекта и его сердца в глубинах неразделенного христианского наследия, позволили ему, как верному сыну своей Церкви и своего Отечества, прозревать истинные основания по-настоящему устойчивого развития русского присутствия в евразийском и африканском пространстве, несмотря на динамично меняющийся контекст расстановки политических, военных и экономических сил.

Порфирий становится тем самым ориентиром в определении актуального уже тогда, и еще более актуального сейчас, вектора российской стратегии межцивилизационного диалога, в понимании сути и структуры той ниши, куда мы, объединенные в соборном делании в рамках нашего Общества, можем и должны устремить наши творческие, научно-исследовательские и общественно-дипломатические усилия.

В личности и трудах Порфирия удивительным образом сопрягаются таланты и плоды ученого, богослова и востоковеда (одного из основоположников российского востоковедения!) и тонкого дипломата, блестящие представлявшего интересы огромной Империи с минимальными ресурсами в своем распоряжении в весьма чуждом для нее и ее народа общественно-политическом контексте.

Но более того, это сочетание талантов и эти ученые и дипломатические плоды приобретают, в целокупности его наследия, совершенно поразительный объем. Представляется, это связано с тем, что личность Порфирия была выстроена в некой вертикали, в основании которой русская православная традиция. Порфирий, монах и священник, переживал эту Традицию через глубину своего литургического и молитвенного опыта. Порфирий-богослов, блестяще освоивший метод научного критицизма, осознавал духовную, историческую и интеллектуальную структурность этой Традиции, ее, в свою очередь, укорененность в некое единое и не всегда очевидное пространство общего христианского наследия, пронизывающего множество этносов, культур, народов, стран и политических блоков, которые, как наслаждения вредили этому единству, угнетали традицию и ее носителей.

Наконец, ценностная вертикаль, о которой идет речь, вертикаль, которая укореняла масштабное творчество Порфирия в нераздельном христианском наследии Востока и Запада, устремляла его к определению целей и задач русского мира в его включенности в общемировое пространство, в его открытости к иному, в его творческое переосмысление и обновление познаваемого.

Целеполагание Порфирия поражает: его видение развития научных исследований, реализации гуманитарных проектов, институционализации российского присутствия в коридоре Ближний Восток – Африка и, в этой связи, в Европе и шире, на Западе, – всё это выстраивалось в единый вектор, в несгибаемую волю, выплавляясь в фактически geopolитическое (на много лет опередившее свое время) видение Порфирия.

В научной статье осветим и увижу образ Порфирия с Палестиной, с истоком, с эпицентром русской естественной и глубокой тяги к Ближнему Востоку.

Паломничества на Святую Землю и культурный обмен между Русью и Востоком прошли через три ключевых этапа. В каждом из них происходило углубление и расширение взаимодействий, что оказывало существенное влияние на русскую культуру, религию и науку.

Первый этап стартует еще в домонгольскую эпоху, когда паломничества на Святую Землю стали систематическим явление (одним из ранних и наиболее известных примеров является «Хождение» Даниила Игумена (начало XII в.), благодаря которому мы узнаем о политической обстановке в Палестине после захвата её крестоносцами. Даниила принимал сам Балдуин, правитель Иерусалимского королевства). Паломники были практически единственными, кто приносил сведения о реальной жизни в Палестине, что, в свою очередь, создавало канал культурного влияния Востока на русское искусство, включая иконографию и архитектуру: в Россию с Востока привозили мастеров иконописи, зодчих и других художников, что безусловно оказало влияние на русскую культуру.

Второй этап прослеживается начиная с XVI в., когда значительно вырос интерес государства к межкультурной коммуникации, что привело к усилению его роли в этих процессах. Важную роль сыграла концепция «Москва – Третий Рим», которая сформировала особую модель отношений с восточными патриархами, оказавшимися в мусульманской среде. Паломничества того времени усилили приток в Россию литургического, культурного и интеллектуального наследия Востока. Примером паломнических путешествий этого периода служит поездка Арсения Суханова по поручению патриарха Никона. Во время своего путешествия он сравнивал греческую и русскую церковные практики, а также

привёз около 500 греческих рукописей, включавших труды как отцов Церкви, так и сочинения античных авторов. Это взаимодействие способствовало обогащению русской культуры и духовной жизни, укрепляя связь с христианским Востоком.

XIX в. – век институционализации государственно-культурного обмена с Палестиной. Этот процесс неразрывно связан с научно-исследовательской, археологической, востоковедческой составляющей. В этом смысле, деятельность Порфирия выражает этот процесс, естественным образом сочетая в проектах Порфирия черты научного исследования и дипломатической миссии.

Нормализация паломнического обмена, активизация роли российского государства в межкультурной коммуникации на Святой Земле, научно-источниковедческий, археологический и этнографический подход в реализации этих задач – вот та призма, через которую смотрит на Ближний Восток Порфирий.

Осознавая это, можно понять неразрывную связаннысть христианского Востока и христианского Запада в мировоззрении Порфирия, формирование его русского взгляда на мировое христианское наследие.

Как он сам пишет через год после своего вынужденного возвращения из Иерусалима в Россию (в связи с Крымской войной) светлейшей княгине Елизавете Павловне Витгенштейн в 1855 г.: «Пусть член мой плывет, куда направляет его Кормчий небесный. Моя воля – в его воле. Моя преданность провидению Божию совершенна. Она есть живое начало и живой конец всех моих действий; и в ней я всегда почерпаю полное спокойствие. <...> Все мы – пылинки на весах Вседержителя. Все народы пред Ним, не более, как капли из ведра» [6].

Не удивительно и то, что расстроенный своим «свиданием» со столичным митрополитом Никанором в Петербурге сразу по возвращении из Италии, (куда Порфирий совершил «без благословения» [6] экспедицию со своими помощниками, покинув Иерусалим и возвращаясь на Родину), он недоумевает о сухой реакции митрополита на его аргументацию своей поездки в Италию: «Зачем вы ездили в Рим?». (спрашивает его Никонор) – Я ответил: «Туда увлекло меня желание поклониться мощам святых апостолов Петра и Павла и изучить древнейшие памятники христианского зодчества и иконописания» [7].

Действительно, для Порфирия мост Святая Земля – Афон – Рим – это не праздный туризм или отвлеченное искусствоведение, а честная и скрупулезная исследовательская работа по изучению единого исконного фундамента христианской цивилизации, залегающего значительно глубже последующих наслоений мозаики цивилизаций, культур и традиций. И вместе с тем, многочисленные плоды этого христианского корня, выраженные в каждой культуре по-своему, получают самую высокую оценку Порфирия. Той же княгине он пишет в другом письме: «Зодчество древних христиан – многознаменательно и поучительно. Припомните церковь св. Амвросия в Милане, которая Великой Княгине и вам показалась родною. К ней, вместо нашей паперти, пристроен открытый двор с колоннадой. Его называют Раем. Понятно, что он знаменует тот рай, из которого изгнан был первый Адам, и в который возвращает нас второй Адам, Христос Господь. Какая богатая мысль, построить храм так, что он преддверием своим напоминает две величайшие тайны бытия человеческого рода, тайну потери Рая и тайну обретения Рая!» [6].

Безусловно, интерес Порфирия носит далеко не только эстетический характер. Везде, куда он снаряжает экспедицию – он изучает и собирает источники, артефакты, делает описания объектов культурного наследия, хранилищ и музеев. В перерывах между поездками, он и его помощниками работают с материалом: систематизируют, описывают, переводят.

Вместе с тем, систематизация культурного и интеллектуального наследия, создание базы для дальнейших исследований христианских источников и христианской археологии в лоне Русской церкви – лишь один элемент масштабного плана Порфирия. Систематизация и интенсификация паломнического, культурного и гуманитарного обмена – также в фокусе внимания Порфирия и Русской духовной миссии в Палестине в середине XIX в.

Выстраивание паломнической инфраструктуры и структуры представительств на Ближнем Востоке и в Малой Азии, создание в регионе сети общеобразовательных учебных заведений – все то, чем займется в эпоху Александра III созданное им Императорское православное палестинское общество, было предложено и осмыслено Порфирием и первой Русской духовной миссией в Иерусалиме в эпоху Николая I [1].

После военно-политических потерь Крымской войны и фактической заморозки экономического и культурного присутствия России на Ближнем Востоке в конце правления Николая I и после периода переориентации российских внешнеполитических интересов на Балканы при Александре II, очевидная и объяснимая приверженность Александра III «мирному сосуществованию» со своими европейскими «визави» действительно обеспечила Российской империи прочное положение на международной арене [2].

Так, культурно-гуманитарная деятельность (Императорское православное палестинское общество – далее ИППО) на Ближнем Востоке во многом реализовала не сбывшиеся при Николае I принципы мягкой силы в тихой войне Преосвященного Порфирия.

Вместе с тем, для Порфирия Святая Земля – лишь точка входа в сложноорганизованный и, ввиду различных исторических причин, слабо или неэффективно скоммуницированный мир христианского наследия человечества. А тот пласт-фундамент Восток-Запад, о котором отмечалось ранее, в глазах Порфирия, лишь то, что, по сложившимся культурным предпосылкам, традиционно попадает в фокус внимания, когда мы говорим о христианстве.

Для Порфирия, христианский мир – шире, а христианское наследие сложнее и богаче, чем греческое православие и римское католичество. В фокусе внимания Порфирия – Церкви Африки, и русское присутствие на Черном континенте.

Действительно, русский мир не принял участия в колонизации Африки. В процессе стягивания внешних политических, торговых и культурных контактов в единый комплекс государственных интересов, пожалуй, первым русским государем, включившим Африку в систему координат российской внешней политики, был Петр I. В 1723 г., пытаясь наладить морской путь из Балтики в Индию, российский император рассматривал Мадагаскар, где хордочники тогда пираты, как удобную перевалочную базу на пути в Индию.

В декабре 1723 г. два русских фрегата под руководством адмирала Даниэля Яакова Вильстера вышли из ревельского порта с целью «взять под протекцию» далекий африканский остров. Однако в феврале 1724 г. Пётр отменил поход после получения известий, что его корабли потерпали сильный штурм у берегов Шотландии.

К правлению Петра относится и появление в России первого знаменитого «русского африканца» – Абрама Ганнибала, уроженца то ли Эфиопии, то ли Чада, то ли Камеруна. Он и два его сына стали генералами. Правнук Ганнибала – великий русский поэт А.С. Пушкин – посвятил африканскому предку роман «Арап Петра Великого».

Только при Екатерине Великой Африка вновь попала в орбиту российских интересов – прежде всего, как часть морского маршрута с запада на восток огромной империи, из Петербурга на Камчатку. В составе российского Черноморского флота служил даже фрегат «Африка» – участник прославленного Чесменского сражения 1770 г. Также при Екатерине после Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией, подписанныго в 1774 г., возникли коммерческие отношения с африканскими территориями Османской империи – Алжиром, Тунисом, Триполитанией, началась переписка с марокканским султаном Мухаммедом III, а в 1784 г. открылось русское генеральное консульство в Египте.

В XIX столетии африканская политика Российской империи в целом разворачивается в контексте российско-турецких отношений, но представления о Чёрном континенте в обществе стали значительно шире. Русские моряки и путешественники посещали Капскую колонию и Трансвааль, Марокко и Эфиопию [5].

Очевидно, что на современном Порфирию этапе налаживание политических и экономических отношений Российской империи с Африкой носили самый зачаточный характер. Но интерес Порфирия к Африке не экзотический и не утопический. Деятель Церкви, миссионер и церковный историк, Порфирий занимает как раз ту нишу, которая по праву веками оставалась единственным связующим звеном между русским миром и Африкой: нишу защиты христианского наследия.

Этот фундамент для «входа» России в Африку, начиная с Порфирия будет оставаться смысловым базисом русской помощи христианской Абиссинии, как в период поздней Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (поддержка в борьбе с колониальными силами Италии и Англии), так и во второй половине XX в., когда «религиозный фактор» станет далеко не последним в поддержке со стороны СССР юной коммунистической Эфиопии [7].

О «православном единстве» с далекой Африкой на Руси знали всегда. Но Порфирий понял главное: исходя из объективного анализа истории, географии и geopolитики, он определил естественную «точку входа» в христианскую Африку и методы русской мирной культурной экспансии, которые могли бы опираться на дремавшие в самом африканском населении силы, помогая их активизации и структуризации. Речь идет о превращении Синайского монастыря в центр миссионерской и монашеской подготовки для восстановления христианской традиции Эфиопии и далее, для миссионерской деятельности в направлении народов «Черной Африки».

Действительно, ещё в начале XII в. русский летописец Нестор, описывая расселение народов, упоминал многие африканские страны – Эфиопию, Ливию, Египет, Мавританию и другие. Нам даже известно о русских паломниках, начиная с XI в. посещавших Египет, и, прежде всего, Синайский полуостров на стыке Азии и Африки.

В XV в. инок Варсонофий первым в русской литературе описал египетские пирамиды. В XVI–XVII вв. связи между египетскими христианами и Русской православной церковью приобрели регулярный характер, в основном в виде финансовой помощи синайским монахам.

В конце XVII в. синайские православные монастыри приняли покровительство России. Именно Синайский монастырь – связующее звено между Ближним Востоком и Африкой.

Очевидно, что Синай – в списке святых мест для посещения Порфирия уже в первую его поездку на Святую Землю в 1842 г., когда Синод принял решение перевести его со служения в Вене в Иерусалим для оказания духовной поддержки православной общине в этом регионе. Но уже вскоре Порфирий устремляется в путь дальше: он совершает исследовательскую экспедицию на Синай. Он напишет позже: «Душа моя жаждала новых познаний, точных и многограничных, и вместе с тем была полна вдохновенною уверенностью в успехе моего любознательного странствия по неведомому Востоку» [10].

Путь был непростым. Путешествие через безлюдную и безжизненную Синайскую пустыню стало для Порфирия истинным испытанием, потребовавшим максимума физических сил и умственной выдержки. Но все эти трудности оказались оправданными, поскольку в результате, в монастыре, им был найден уникальный артефакт неоценимого научного значения – Синайский кодекс.

Уже после, в 1847 г., когда под начальством Порфирия начала свою работу Русская духовная миссия в Иерусалиме, он вновь отправляется в путешествие в Синайский монастырь. В монастыре Святой Екатерины Порфирий обнаруживает еще несколько уникальных памятников христианской письменности, среди них: Синайская Псалтырь, Синайский евхологий и Синайский служебник.

Но далее он не возвращается в Иерусалим, а продолжает свой путь в Африку. Порфирий проследует маршрутом в Александрию, Каир и коптские монастыри. Позже Порфирий совершит еще одну поездку в Египет и посетит в том числе обители святых Антония Великого и Павла Фивейского, монашеская традиция в которых никогда не прерывалась.

Именно здесь Порфирий развивает идею о том, что Коптская Церковь, наряду с Армянской и Сиро-яковитской, близка к Православной по уставам, обрядам и даже доктринальным аспектам веры. Порфирий пишет:

«Во время путешествия я заметил, что вероучение и порядок служб коптов схож с нашим, что побудило меня основательно изучить их богословие, богослужение, церковное право, историю и духовную литературу. Чем больше я погружался в эти темы, тем больше убеждался, что эти христиане сохраняют наш способ интерпретации Священного Писания и проповеди, наши апостольские и отеческие предания, правила первых трех Вселенских Соборов, сущность и состав древних литургий и молитвословов, уважение к ангелам и святым, почитание икон, посты и внутреннее устройство храмов, похожее на наше» [6].

Вследствие своих рассуждений и исследований, Порфирий пишет монументальный труд «Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов)». Текст завершен в Иерусалиме в 1854 г. и опубликован в 1856 г. в Петербурге.

В развитии отношений с Коптской церковью Египта Порфирий видит научно-исследовательский потенциал и перспективу богословского диалога. Вместе с тем, через знакомство с наследием Эфиопской Церкви, он начинает прозревать миссионерский потенциал, поистине общеафриканского масштаба, который мог бы быть связан с системной работой Русской церкви по актуализации христианских традиций в этих странах.

В этом смысле интересно, как Порфирий-археолог и этнограф открывает для Порфирия-миссионера эту перспективу: научно-исследовательская работа задает вектор целой миссионерской программы, а за ней – определяет потенциальную стратегию многоэтапного устойчивого развития русского присутствия в Африке.

Действительно, изначально интерес Порфирия к Церкви Эфиопской все так же касается истории и литургического наследия этого осколка Вселенского Православия, покинувшего византийскую семью Православных Церквей за полтысячи лет до Крещения Руси и зарождения Церкви Русской.

Во время своего посещения Синайского монастыря Порфирий обнаруживает интересную деталь. Он вспоминает, в частности, что обнаружил иконы «негров с татуировками на их темных лицах». Ссылаясь на древнерусские источники, Порфирий полагает, что на иконах таким образом изображены африканские христиане, а также христиане с тихоокеанских островов, активно осуществлявшие паломничества в монастырь святой Екатерины в конце V–VI вв. н. э.

Развивая тему, Порфирий поручает своим помощникам П. Соловьеву и Н. Крылову перевести на русский язык работы западных исследователей, которые содержали информацию об Эфиопской церкви (мы наглядно видим здесь, как работает ось Ближний Восток – Африка – Европа).

Продолжая таким образом углубляться в традицию Эфиопской церкви, архимандрит Порфирий обдумывает форматы выстраивания взаимодействия между Эфиопской церковью и Православным миром. Рождается проект.

Порфирий приходит к выводу, что Синайский монастырь в честь святой Екатерины мог бы стать местом начала сложного процесса ре-христианизации Абиссинии и христианизации всего Африканского континента: «Недаром она (Синайская обитель) стоит на рубеже Африки и Азии. Из нее со временем может пролиться свет Православия в царство Абиссинское... где некогда прославилось Имя Христово. Нигде, кроме сей обители, нет лучше места, как для учреждения училища благовестников, долженствующих воскресить Православие в Египте, Абиссинии и далее, так и для принятия и руководства иноков из этих стран» [3].

По идеи Порфирия, Синайский монастырь должен был бы стать ключевым центром для подготовки и обучения как миссионеров для Африки, так и монахов из африканских стран.

В развитии и институционализации на базе монастыря святой Екатерины подобной миссионерско-просветительской деятельности архимандрит Порфирий видел значительные возможности не только для духовного единения русского мира с христианской Африкой, но и практические перспективы для проповеди Евангелия среди жителей удаленных уголков африканского континента.

Подробные планы Порфирия, сколь бы не представлялись они мало реализуемыми в тот исторический момент и в тех геополитических обстоятельствах, представляются теперь весьма провидческими, как в свете усилий ИППО на поприще межправославных отношений, так и в свете учреждения Патриаршего Экзархата Африки Русской православной церкви.

То, что прозревал, над чем успешно работал Порфирий, выстраивая отношения с Иерусалимским патриархатом, развивая стратегию межхристианского диалога с Коптской и Эфиопской церквями, продумывая пути русской духовной и гуманитарной миссии на стыке Азии и Африки, задавая вектор источниковедческих, археологических, литургических и этнографических исследований на Востоке и Западе христианского мира, – всё это не могло быть не обусловлено политическим контекстом эпохи. А он был непростым и в судьбе Порфирия – драматическим.

Геополитическое противостояние России, Англии и Франции, с акцентом на религиозный фактор, привело к Русско-Турецкой Крымской войне. В январе

1853 г. Николай I попытался обсудить с Англией раздел Османской империи, но получил отказ. В начале 1850-х гг. Англия активно противостояла любым попыткам России расшириться на ближневосточные территории. Британское правительство, стремясь сохранить целостность Османской империи, видело в ней барьер для российского влияния на Востоке.

Попытка Николая I укрепить позиции России в Турции через религиозный вопрос также не увенчалась успехом. Император стремился под предлогом защиты православных христиан в Порте восстановить привилегии православной церкви, нарушенные передачей ключей от Вифлеемского храма католикам. Это решение шло вразрез с фирмансом султана от 30 января 1852 г., который подтверждал права православных. Очевидно, что данное решение было уступкой Франции, активизировавшей свою ближневосточную политику после революции 1848 г.

Миссия князя Меньшикова в Турции в феврале 1853 г., направленная на заключение договора о защите прав православных, была обречена на провал. Влияние Англии и Франции на турецкое правительство делало эти задачи невыполнимыми. Предложение султану заключить тайный союз с Россией против Франции выглядело нереальным и говорило о непонимании изменившейся международной ситуации. Восторженный прием Меньшикова христианским населением лишь усугубил антироссийские настроения в Англии и Франции, где российская поддержка христиан вызывала подозрения. Переговоры Меньшикова закончились безрезультатно, и Россия оказалась перед выбором: дипломатический разрыв с Турцией или война.

Война с Россией объединила ключевые европейские державы, ранее считавшие ее союзниками. Прямолинейные попытки Николая I решить «Восточный вопрос» в рамках устаревшей Венской системы привели к международному кризису с тяжелыми последствиями для России. Крымская война стала поворотным моментом в отношениях держав не только с Ближним Востоком, но и с Россией. Венский союз распался, и обострились два ключевых конфликта: борьба между Англией и Россией за влияние в османских владениях и соперничество с Францией по поводу святых мест в Палестине. Николай I, долгое время отстаивавший европейские интересы, к концу своего правления столкнулся с сопротивлением всех ведущих держав [1].

Порфирий уже не вернется к управлению Миссией. В 1861 г., совершив свое третье путешествие на Восток, которое будет носить уже чисто научно-исследовательский характер, он больше не покинет Россию. В 1865 г. он станет епископом Чигиринским, викарием Киевской епархии и продолжит работу по переводам и систематизации своей библиотеки. В 1878 г. он переедет в Москву, в Новоспасский монастырь, где и закончит свою жизнь на покое в 1885 г., застав, в качестве почетного члена ИППО, первые шаги славной деятельности Общества [9].

Сегодня в geopolитической борьбе, Россия вновь переживает попытку Запада ее изолировать. Сложившиеся за последние десятилетия постсоветской эпохи и ставшие привычными каналы и площадки политического, экономического, культурного, гуманитарного, межрелигиозного и межконфессионального взаимодействия разрушены или заблокированы. Россия, до этого на какое-то время (как случалось в ее истории) завороженная западными моделями, концептами и проектами, вновь осознает себя самобытной цивилизацией в реалиях динамично перестраивающегося евразийского пространства, в жестких реалиях глобальной конкуренции нарождающегося многополярного мира.

Создание новых площадок, прокладывание новых каналов коммуникации, выстраивание новых моделей и структур – вот что сейчас происходит на мировой арене, вот то полотно, на котором течется новый лик человечества. Но все это – лишь инструменты. Как определить ориентиры? Как выбрать правильные опоры? Как выстраивать новое и прочное, основываясь не на мимолетных тенденциях и не на ошибочных выводах?

То, что мы подчеркивали в отношении личности Преосвященного Порфирия, применимо и здесь: укоренность в традиции и научно-историческая и геополитическая экспертиза позволяют видеть и прозревать сквозь дым войны, сквозь мутные воды информационного поля, сквозь мрак невежества, истинные и незыблемые ценности и цели. Потому так важна сейчас для России активизация ее исконного государствообразующего религиозного института, Русской церкви, актуализация ее ценностно-духовного наследия, осознания его масштаба и вписанности в мировое культурное наследие. Потому сейчас так важна для России реализация стратегии научного прорыва. Потому так важна для России реформа общественного образования. Потому так важна для России деятельность общественных экспертных обществ.

Объединение лучших умов России, взвешенная и ответственная экспертная оценка, общественно-дипломатическая медиация, проектная культурно-гуманитарная деятельность и сетевая структура отделений и представительств по всему миру: все то, что являются собой эти Общества¹ – значимый ресурс, квинтэссенция человеческого капитала нации.

Более того, ниша, в которой эта деятельность востребована и применима, все та же, что мы находим в контексте жизни и трудов Порфирия: культурно-гуманитарная миссия векторе Ближний Восток - Африка – Европа.

Ближний Восток остается хабом, перекрестком одновременно евразийских и глобальных маршрутов. Казалось бы, в послевоенное время, на смену эпохи колониализма, с его расизмом и разделением этносов и наций на сорта, пришла эпоха постепенного арабского возрождения в разных его версиях. Однако параллельный этому процессу, процесс реализации геополитических и макроэкономических проектов глобальных игроков, в течение второй половины XX в. и в первой четверти XXI в., вместо поступательного формирования страновой субъектности в регионе, поспособствовал его хаотизации: превратил Ближний Восток в поле перманентной битвы за ресурсы и коридоры.

Как пишет сирийский исследователь Самир Исмаил, «разница в том, что если в конце 19 – начале 20 века в идеологический набор колонизаторов входили такие выражения, как “установление опеки” и “заполнение вакуума”, то на рубеже 20–21 веков на смену им пришли идеи вроде “проекта реформ”». Он также замечает, что «[в] нынешнем дискурсе и практике американской администрации нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что арабы рассматриваются ею как древняя нация, внесшая значительный вклад в копилку человеческой цивилизации. Совсем наоборот: дело подается так, что администрация США противостоит архаичным коррумпированным режимам, обществам, лишенным воли и здоровых амбиций, людям, одержимым ксенофобией и изоляционизмом, прогнившим ценностям и

¹ ИППО, Российское историческое общество, Российское военное историческое общество, Российское географическое общество.

отжившей культуре, которая является главным источником насилия и терроризма!» [8]. Унизительное отношение порождает эмоциональную реакцию и радикализацию.

На Ближнем Востоке мы получаем, с одной стороны, все большую военно-политическую нестабильность и деградацию ряда национальных культур в ходе многолетних конфликтов. При этом, несмотря на этот фон, в регионе, ввиду его перекрестного географического положения, продолжают динамично реализовываться глобальные инфраструктурные проекты, такие, как например «Ближневосточный коридор», рассматриваемый странами Большой двадцатки в качестве «альтернативы» проекту «Один пояс и один путь», который, в свою очередь, уже многие годы продвигает КНР [4].

Такой дисбаланс между развитием гуманитарной составляющей и развитием звеньев усложняющейся глобальной инфраструктуры в регионе безусловно создает факторы неустойчивости и даже потенциальной катастрофы. Конфликт Израиля и Ирана, нестабильность в Йемене и Сирии, обливающийся кровью Сектор Газы – можно долго перечислять сложности и риски Ближнего Востока. Однако следует отметить общую тенденцию: увеличивающееся значение ближневосточного региона в мировой макроэкономике прямо пропорционально накоплению в нем рисков и обратно пропорционально развитию человеческого капитала.

Традиционно Россия заинтересована в стабильности на Ближнем Востоке. Развивая альтернативные экономические коридоры, как «коридор Север-Юг» и «Северный путь», активно участвуя в развитии «Пояса и пути», Россия приветствует и другие глобальные проекты, нацеленные на упрочнение международной связности, на упрощение сотрудничества и коммуникации [4]. Это касается и проекта «Ближневосточный коридор», в его функциональном значении. Однако нашей стране, в соответствии с ее культурным кодом, чужд всякий (нео-) колониальный подход, при котором экономический интерес превалирует над гуманитарным, при котором развитие субъектности стран искусственно блокируется, вместо этого манипуляторными средствами народонаселение превращается в управляемые массы, а целые страны низводятся в разряд объектов внешнего «проектного» управления.

В этом смысле нацеленность Порфирия на работу с арабским населением Иерусалима и шире – Ближнего Востока, начатая им на базе Русской духовной миссии в Иерусалиме и получившая, в дальнейшем, славное развитие в дореволюционной деятельности ИППО, задает правильный вектор, дает правильное направление русскому присутствию в регионе. Вовлеченность России в макроэкономическом и geopolитическом процессе на Ближнем Востоке может и должно быть связано, как это было всегда, с поддержкой местного населения в раскрытии потенциала их самобытности, в укреплении их субъектности.

Исследования Порфирия и целой плеяды русских византологов и востоковедов дают богатый материал для раскрытия христианского наследия в арабской среде. Актуализация христианского наследия Ближнего Востока – это актуализация, в частности, арабского наследия и других этнических групп в регионе, представляющих древние библейские народы.

Африканский континент сегодня, как и в XIX в., привлекает все более пристальное внимание ведущих государств мира. Богатый природными ресурсами, он становится ареной борьбы за контроль над ним со стороны США, Китая, стран Европы. Принимая во внимание тот факт, что для России поле внешнеэкономической

активности в последние годы существенно сузилось, ее возвращение в Африку должно стать одним из приоритетов национальной внешнеэкономической стратегии.

Да, Ближний Восток – это естественный коридор между Россией и Африкой. Но, как показал Преосвященный Порфирий, этот коридор – не стыковочный модуль, роль которой заканчивается на функции собственно связующего звена. Христианский Восток – это русские ворота к Африке, одновременно в географическом и в интеллектуальном смысле.

Не секрет, что к концу этого столетия, каждый четвертый христианин на планете Земля будет жить в Африке. Возможно, Африка станет единственным макрорегионом на Земле с показателями стабильного роста числа христиан. Знали ли об этом Порфирий? Вряд ли. Однако он знал, что христианская миссия в Африке – это императив цивилизационного развития. Он знал и то, что в этой миссии роль России может быть значимой и решающей. Указывал он и на то, как России к этому проекту подступиться и на что опереться.

Вектор Синай – Эфиопия/Египет – «Черная Африка», предложенный Порфирием, все так же актуален сегодня, когда Александрийская православная церковь не находится в евхаристическом общении с Русской Церковью и потеряла в глазах РПЦ моральное право блокировать развитие православной миссии в Африке рамками своей «канонической территории».

Именно Антиохийская православная церковь и Иерусалимская православная церковь (в состав которой входит «Синайская автономия») представляют для нас коридор к Африке, сквозь в целом (на уровне иерархии) определившийся как недружественный нам греческий православный мир.

«Свет Православия в царство Абиссинское» и далее в «Черную Африку» – миссия, которую Порфирий чаял закрепить за Россией в ее масштабном сближении с народами Африки, сегодня становится своего рода маркером, показателем того, насколько мы, как цивилизация, способны адаптироваться и эффективно применить «мягкую силу» для достижения своих целей в ситуации тихой войны.

Действительно, Россия не вписалась в процесс колонизации Африки в XIX веке [5] (по объективным причинам, в том числе, связанным с ее морально-нравственными установками и в связи с концентрацией на «мирной колонизации», фактически культурной и экономической интеграции, обширных регионов Сибири и Дальнего Востока). После эпохи, когда СССР сыграл значимую роль в процессе деколонизации Африки, на витке нового жесткого и pragматичного капиталистического противоборства на континенте, России как никогда нужно строить основания для надежной опоры в африканских странах-партнерах. Эта опора – в развитии культурно-гуманитарного сотрудничества. Для того, чтобы России быть успешной и эффективной в этой деятельности, она должна реализовывать эту программу системно, инфраструктурно и конкурентно.

В этом смысле опора на науку и образование и опора, как ни покажется, возможно, странным, на миссионерский опыт Русской церкви именно в регионах Сибири и Дальнего Востока (те самые, на которые России справедливо «отвлеклась» во время колонизации Африки западными державами), могут наполнить подлинным смыслом осознанный Порфирием и сейчас призванный к жизни проект русской духовной миссии в Африке.

Активно работая с миссионерским наследием на Большом Алтае, и в целом в Сибири и на дальнем Востоке, можно прийти к выводу, что уникальные системные подходы и эффективные инструменты просвещения, выработанные за

столетия «тихой миссии» на Востоке России, остаются во многом неизученными и не актуализированными в постсоветский период жизни нашей церкви. А именно это наследие – кладезь нашего самобытного и успешного опыта просвещения и христианизации, интеграции народов в единое духовное и экономическое пространство без потери этнической и культурной идентичности.

Таким образом, в некотором смысле возвращение к системе специализации духовных школ, включение в эту систему большего числа церковных вузов, развитие миссионерских программ и программ подготовки исследователей мирового христианского наследия, развитие сети филиалов духовных школ РПЦ в Африке, а также развитие партнерской сети среди африканских вузов западных конфессий – все это могло бы дать важный импульс к осмысливанию развитию церковной науки и образования, сделать богословскую науку востребованной, а богословское образование – прикладным.

И здесь мы замыкаем тот коридор, о котором красной нитью говорим в отношении наследия Преосвященного Порфирия: Европа. Совершенно новыми глазами мы можем посмотреть, в контексте африканской миссии Русской церкви, на межхристианский диалог с Католической церковью и с протестантскими церквями Европы и Америки.

Объективно, усилия Русской церкви в предыдущие два десятилетия были направлены на развитие своей структуры науки и образования, на включение этой системы в качестве подсистемы комплекса науки и образования РФ. Теперь это сделано. Более того, благодаря созданной Научно-образовательной теологической ассоциации (НОТА), подобный научно-образовательный проект может быть ресурсно обеспечен благодаря тому, что НОТА включает церковную вузовскую систему в научно-экспертную среду вузов страны. Таким образом, может быть применена модель, подобная, например, модели «Христианских источников» во Франции, когда к подготовке очередного тома серии подключаются и церковные ресурсы, и ресурсы государственных фондов, финансирующих гуманитарные исследования, и интеллектуальные ресурсы вузов, располагающих нужными специалистами (историками, филологами, востоковедами, культурологами, теологами и т. д.).

Наконец, присутствие Русской церкви в Африке актуализирует вопрос о включении в процесс межконфессионального диалога и сотрудничества на местах представителей Русской церкви, об их включении в повестку дня местных обществ, об их адекватной контекстуализации в уже сформированном поле религиозного бытования в регионе.

Список литературы

1. Бушуева С.В., Струкова М.И. К вопросу о роли личности в формировании ближневосточной политики России во второй половине XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 7–15.
2. Грунтовский И.И., Моисеев В.С. Принуждение до нашей эры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, № 1. С. 93–101.
3. К 200-летию со дня рождения епископа Порфирия (Успенского) [Электронный ресурс]. URL: <https://sedmitza.ru/text/400434.html> (дата обращения – 05.08.2025)
4. Кадомцев А. Станет ли «Ближневосточный коридор» альтернативой «Поясу и Пути» // Журнал «Международная жизнь» [Электронный ресурс].

URL: <https://dzen.ru/a/ZQgPiCihc0v46oW-?ysclid=m0po5gcldb507084844> (дата обращения – 04.09.2025).

5. Нуриева А.Р., Гибадуллин М.З., Зайнутдинова Д.И. Российская империя и страны африканского континента: от первых контактов к регулярному экономическому взаимодействию // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 55. С. 216–223.
6. Письма Преосвященного Порфирия (Успенского) к светлейшей княгине Елизавете Павловне Витгенштейн [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/books/original/21513/2118_1904_09_070000.djvu (дата обращения – 05.09.2025).
7. Россия и Африка: спираль отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/> (дата обращения – 08.07.2025).
8. Самир Исмаил. Ближний восток в системе современной международной политики // Вестник РУДН. Серия Политология. 2008. № 1. С. 66–72.
9. Труды Киевской Духовной Академии. 1867. Ч. 2. С. 346 [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravoslavnye-zhurnaly/trudy-kievskoj-duhovnoj-akademii/> (дата обращения – 25.07.2025).
10. Щербакова М.И. «Путешествие по Италии» епископа Порфирия (Успенского) как культурно-исторический источник // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 186–206 [Электронный ресурс]. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-po-italii-episkopa-porfiriya-uspenskogo-kak-kulturno-istoricheskiy-istochnik / viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-po-italii-episkopa-porfiriya-uspenskogo-kak-kulturno-istoricheskiy-istochnik/viewer) (дата обращения – 05.09.2025).

Bishop Porphyry (Uspensky) on the vector of the Russian strategy of intercivilizational dialogue

G.A. Ivakin

Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow

The article deals with the Middle East – Africa – Europe. The outstanding contribution of the Russian orientalist and missionary Bishop Porfiriy (Uspensky) to determining the vector of the Russian strategy of intercivilizational dialogue on the basis of Christian traditions of the East and West.

Keywords: *Porfiry Uspensky (Bishop), Orthodox Church, Middle East, Africa, Europe, Israel, Iran, Yemen, Syria, IPPO (Russian abbreviation for «Imperial Orthodox Palestine Society»), enlightenment, education, theology, science, religious organizations, intercivilizational dialogue, interreligious dialogue.*

Об авторе:

ИВАКИН Григорий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва. E-mail: grivakin@yandex.ru

Authors information:

IVAKIN Grigory Anatolyevich – PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Deputy Director of the Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow. E-mail: grivakin@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025.